

РАЗМЫШЛЕНИЯ У ТЕАТРАЛЬНОГО ПОДЪЕЗДА

«Недолговечно.
Но рассчитано на Вечность»
Из беседы с Е. М. Бабосовым

Как-то Е. М. Бабосов сказал мне:

– Я не считаю себя страстным театралом, не спешу попасть на премьеры, не всякий спектакль стремлюсь посмотреть. В театр я иду, как в храм... Пусть не покажется это красивой фразой. Возможно, мнение мое субъективно, но в театр надо ходить не потому, что это модно, престижно, что ли, – увидеть первым то, что твои знакомые не видели. В театр надо идти по велению души. Мне трудно словами объяснить это состояние, когда исподволь зреет в тебе решение какого-то долго мучившего вопроса, какой-то неудовлетворенности собою, будто чего-то очень важного в жизни ты не можешь понять. И вот тогда иду в театр. Там, отрешившись от суеты, забот, домашних неполадок, мелькания дней, дел, пытаюсь уловить душой к тебе направленное слово. А иногда и не слово даже, а просто взгляд со сцены или действие. Или ту напряженную молчаливую паузу, которая дает мне больше, чем сотня умных советов, – умей только ее понять и принять. Иной спектакль так глубоко входит в сердце и память, что не можешь забыть его спустя долгое время...

Собеседник вспомнил очереди в билетную кассу, когда шли спектакли «Отелло», «Король Лир», «Макбет», безоглядную поглощенность зрительского зала...

– Пусть это происходит при каждой встрече с театром. Я всегда буду благодарен всем тем, кто создает такие волнующие спектакли. Низкий поклон им за уроки жизни, преподанные мне, за то, что душу свою я оставляю там, у подмостков сцены...

– Театр, – сказал он после некоторого раздумья, – и существует для того, чтобы не только доставлять удовольствие, но и давать моральное наставление – урок для чувств и размышлений. Он как бы учит презирать пороки и почитать добродетель, сострадать борцам за справедливость и в то же время одаряет сладостным ощущением победы добра над злом, показывает жизнь в ее правде, в живой природе.

Затем мы поблагодарили друг друга за беседу и разошлись.

Тот разговор долго не покидал меня. Мой собеседник так открыл мне свою любовь к театру, что я как человек, много лет занимающийся театральным искусством, задумался... «Урок жизни...», «душу свою оставляю у подмостков сцены...», «в театр иду, как в храм...».

Я должен предупредить, эта статья – не театроведческое исследование. В этом материале мне хотелось бы показать еще одну грань нашего замечательного философа, социолога, культуролога и политолога Евгения Михайловича Бабосова. Говорят, что талантливый человек – талантлив во всем. И, вглядываясь в суть этого многогранного ученого, я хотел бы поделиться с читателями его видением, наблюдениями, мыслями, которые возникли у него во время наших бесед о развитии культуры, искусства и в частности театра.

Разносторонность научных интересов, огромная научно-организаторская и общественная деятельность требуют от человека особых качеств, основы которых могут быть заложены только в детстве и юности, в семье. В этот же период идет открытие мира художественного, значение и понимание которого накладывает свои отпечатки на всю дальнейшую жизнь. Вот почему так важно изучать истоки духовного становления личности, чтобы понять мотивы и причины, позволившие ей добиться успеха.

Из личных воспоминаний Евгения Михайловича Бабосова:

«Так случилось, что в детстве у меня не было возможности посещать спектакли. Затем начал ходить в театр с познавательной целью, хотел понять, что это за искусство, в чем его отличие от других. Одновременно я получал информацию о театре из книг, рецензий, наконец, делились своими впечатлениями друзья и знакомые. То есть я пришел в театр уже человеком с жизненным опытом. Сначала это были случайные посещения, не самые лучшие спектакли, а те, на которые легко было попасть. И хотя увиденные постановки казались мне схематичными, очень далекими от жизни, я все же мужественно каждый год ходил в театр, надеясь, что, может быть, вот-вот пойму, почему люди так стремятся сюда. Вероятно, для многих посещение театра – своеобразный рефлекс, выработанный с детства. Мне любопытно, как театр действует на умы... Но лично я воспринимаю его рационально. Лишь отдельные моменты в спектаклях созвучны с какими-то жизненными ассоциациями, рождают воспоминания. Но в целом театр по-прежнему дает мне весьма схематичное представление о жизни. Казалось бы, он должен дополнить мои знания о жизни, но этого как раз и не получается. Хотя порой в театре поднимаются вопросы, которые мне интересны. Мои театральные впечатления чаще всего расходятся с представлением о том, каким должен быть театр в идеале. Но я не разочаровался, не стал относиться к театру хуже и не теряю надежд.

Однажды в жизни я испытал чувство, что спектакль поставлен действительно для меня, – это был «Затюканный апостол» А. Макаенка в Купаловском театре. Правда, тогда я был еще достаточно молод. Современный театр, на мой взгляд, рационален, «научен», что ли, иной раз спектакль превращается в урок социологии. Нет, жизнь гораздо сложнее. Хотя и время сейчас рациональное, может быть поэтому и театр таков?...

Я бы хотел в театре расширить свой жизненный и эмоциональный опыт. Но все люди очень разные, то, что для одних искусство, для других нет, но все мы связаны с жизнью. Проблемы, я убежден, у всех общие, только нужно попытаться найти общий язык для всех, и для так называемых «простых» людей,

и для интеллектуалов. Идеальный театр – театр для всех. А театр непонятный меня отпугивает, отпугивает меня его «замудренность».

Хотелось бы театра, похожего на праздник, массовое гулянье, в котором мог бы пережить, понять что-то такое, чего так недостает. А формы допустимы самые разные, в том числе и традиционные...

Словом, хочется театра, который расширит эмоциональный мир, поможет улучшить себя. Такой театр нужен всем».

В одном из своих интервью Евгений Михайлович, отвечая на заданный вопрос, говорил, что нередко ищет «ответы на философские вопросы за пределами собственно философии – в художественной литературе и истории, в вечно изменяющемся мире политики и в непроходимых, казалось бы, дебрях межличностных отношений, имея всегда при этом в виду человека, постижение его сущности». Вот почему мне как исследователю было особенно важно задать ему вопрос о том, каковы, с его точки зрения, цели и задачи социологии, которая занимается изучением театрального творчества.

Из беседы с Е. М. Бабосовым:

«...социология театра занимается судьбой спектакля после того, когда произошел его показ на сцене театра и он начал функционирование в обществе. И здесь следует говорить о двух уровнях социологии театра – эмпирическом, воплощенном в конкретно-социологических исследованиях, и теоретическом. Нередко исследователи больше внимания фокусируют на первом из них, прежде всего в рамках количественного анализа. А следовало бы погрузиться в рассмотрение взаимодействия театра и зрителя более глубоко. Нельзя оставить в стороне выяснение вопроса о том, насколько эмоционально, насколько экспрессивно насыщено переживаниями воспринимает зритель и оценивает спектакль именно в процессе самого сценического действия. Очень важно выявлять, какое, в каких местах пьесы или на протяжении всего спектакля у зрителя возникает и усиливается сопереживание с тем, какое и как произносится слово или реплика, высказывание актером, но не только процесс говорения, без чего театра нет, но молчание, пауза, безмолвие, которые зачастую оказывают на зрительный зал более мощный эффект воздействия, чем говорение. Вспомните, у Пушкина в «Борисе Годунове» в самой последней сцене «народ безмолвствует». Это гнетущее безмолвие заставляет зрительный зал содрогнуться в предчувствии ужасной трагедии грядущей пресловутой «русской смуты».

Давайте задумаемся: чем знаменит театр со времен античности и вплоть до наших дней? Это яркие личности, воплощаемые в столь же ярком артистическом мастерстве, движимые не мелкими страстишками, а страстями, не любвишкой, а любовью, не мелкими пакостями, а непостижимой глубиной подлости и предательства. Это царь Эдип и Медея, это шекспировские Гамлет и Генрих IV, это гетевский Фауст и пушкинский Онегин в конце знаменитого романа в стихах, это Горлохватский в «Хто смяецца апошнім» Кондрата Крапивы, это глебовский шедевр «Абы ціха» в «Константине Заслонове» в том же Купаловском театре. Это – запоминающиеся лики, личины, личности, без ко-

торых нет возвышающего личность зрителя, его чувства и душу, катарсического, очищающего воздействия театра на зрительский зал. Вот тогда-то, отмечал Гегель, зритель становится способным и готовым осуществить свой «субъективный художественный суд». Но каждый зритель, находящийся в театральном зале, испытывает или не испытывает катарсическое очищение по-своему, индивидуально, лично, равно как и актер способен или не способен вызвать это очищающее катарсическое чувство у человека в индивидуальном воплощении, в зависимости от степени своего исполнительского таланта и мастерства либо его отсутствия. А само понятие «катарсис» является многоуровневым, благодаря чему возникает свойственная ему способность интегрировать разные переживания».

Меня всегда поражало умение Евгения Михайловича увидеть сердцевину проблемы, провести глубокий анализ и сделать абсолютно логичные, точные выводы. Вот почему для меня очень важны были его размышления о состоянии современного белорусского театра, своеобразии диалога сцены и зрительского зала.

Из беседы с Е. М. Бабосовым:

«Сейчас в театре ощущается острый дефицит неожиданных, ярких спектаклей, которые следовало бы назвать событиями. Иногда спектакль поставлен с благими намерениями, в нем есть умная и благородная мысль, но она передана архаичными средствами, заземлена бытовизмом или просто выражена банально, слишком навязчивыми, уже много раз испробованными приемами.

Мне кажется, что театры сейчас мало отличаются друг от друга и, ставя спектакли, они имеют в виду какого-то неконкретного, усредненного зрителя. Я не уверен, что зритель может требовать для себя другого театра, он может, и это случается чаще, просто перестать ходить туда, где ему не интересно... И тут не известно, кто больше теряет – театр или зритель. Боюсь, что театр.

Импульсом к наиболее активному обмену между сценой и залом служит удивление. Не вычурностью или аскетизмом формы, – достаточно бывает одного слова, и ты вовлекаешься в поток сопереживания, спектакль захватывает... И то, что чувствует зритель, хотя и вторично, но не менее важно, чем происходящее на сцене. Без контакта сцены и зала театр бы просто не существовал. Актерам и постановщикам спектакля эти минуты, прожитые на едином дыхании с залом, также необходимы. Добиться наиболее полного контакта со зрителем – одна из существенных задач режиссера, актеров. Чтобы волновать, недостаточно говорить о проблемах, близких зрителю, нужно еще сделать этот диалог концентрированным. Он должен вестись в специфической театральной форме, задевать струны души... Такой контакт – эмоциональный, духовный, интеллектуальный – возникает на спектаклях, поставленных В. Равеским, Б. Луценко, А. Ефремовым, А. Горцуевым.

Если воспринимать театр как диалог, сопереживание в высокой форме, то наиболее важен разговор о «вечных» проблемах, волнующих человека: добре – зле, мужестве – трусости, духовности – пошлости. Диалог может

строиться на самом разном материале, как историческом, так и современном. Ведь в современном, наряду со специфическим, характерным для определенного времени, всегда содержится и «вечное». И лучшие пьесы на современную тему характеризуются слиянием двух этих линий.

Я знаю, что молодежь любит театр и ищет в театре ответа на волнующие ее вопросы. Проблемы любви, дружбы, преданности делу, корысти, мещанства... представляются неясными и спорными молодому человеку. Это важнейшая причина, которая тянет его в театр. Что касается меня, то о себе я этого сказать не могу. Мне кажется, я знаю достаточно много. Я нахожусь в том возрасте, когда проблемы (с большой буквы) волнуют мало. Если говорить вообще о людях науки, то они, видимо, ходят в театр не ради проблем. Проблем в науке вполне хватает. Гораздо интереснее напряженный сюжет.

Многие зрители идут в театр ради театральной условности, которая им ближе, чем современные формы телевидения и кинематографа. Нередко видишь зрителя, жаждущего развеяться и посмеяться даже там, где по сюжету пьесы ничто не может вызвать эту реакцию. Но порой кажется, что и сам театр воспитывает в зрителе определенные штампы восприятия, а потом запоздало пытается их разрушить.

Современный театр очень сильно расширил аудиторию, мне кажется, раньше театр был для более узкого круга. Сейчас у широких слоев публики возник интерес к театру, хотя зрители бывают разные, одни, как я уже говорил, ищут развлечения, другие глубину. Зритель создает атмосферу, настроение зала, но главенствующая роль принадлежит все же самому театру.

Хотелось бы пожелать, чтобы у нас было побольше театров оригинальных, молодежных, экспериментальных, побольше талантливых актеров и режиссеров».

Соглашаясь с размышлениями Евгения Михайловича, я хотел бы лишь добавить от себя, что современный театр выявляет богатства личности в актере и в зрителе, выявляет их духовный потенциал. Для режиссера и актера спектакль – это «мост» к зрителю, а через него – к обществу, к общественному сознанию. Но и для зрителя спектакль – это тоже «мост» к художнику, к его сознанию, аккумулятивному в себе общественный опыт, понимание жизненных ценностей, нравственных идеалов.

Как-то в одной из научных дискуссий у нас разгорелся спор относительно тезиса «театр талантлив настолько, насколько талантлив его зритель». Говорили о том, что «талантливый» зритель не бывает. Он может быть образованным, эстетически грамотным и др., но не «талантливым». Думается, что все-таки «талантливый» зритель существует. И если понимать под определением «талант» сочетание способностей, которые дают человеку возможность успешно, самостоятельно и оригинально выполнять роль зрителя, то Евгений Михайлович как раз и является ярчайшим представителем этой зрительской элиты. Хотелось бы пожелать ему здоровья, долгих лет жизни и неизгладимых «катарсических» театральных впечатлений.